

Черкаш

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НЕМЦЕВ РОССИИ
И РОССИЙСКО-GERMAHCKИX OTHOШEHИЙ C APATOBCKOГO ФИЛИАЛА ИВИ РАН

**РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ИНОНАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ:
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ,
ВЗАИМОВЛИЯНИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Материалы международной научной конференции:
Саратов, 14–19 сентября 2004 года

Москва
2005

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В НЕМЕЦКОЙ И ФИНСКОЙ ДЕРЕВНЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА В XVIII-XIX вв. (сравнительный анализ)

Российские немцы, часть которых проживала на территории Северо-Запада, и ингерманландские финны – народы со схожей и трагической судьбой, изучение истории и культуры которых активно развернулось лишь в последние десятилетия².

В данной статье делается попытка, опираясь на материалы проведенных к настоящему времени исследований и не претендуя на полноту анализа, рассмотреть некоторые аспекты развивавшихся в среде немецкого и финского крестьянского населения столичного региона социальных и этнических процессов, обратив внимание на черты сходства и различия и предопределившие их факторы.

Как финские крестьяне, так и немецкие колонисты оказались в составе населения Российской империи в XVIII в. Однако история появления финнов на территории Северо-Запада уходит корнями в предшествующие столетия³. В 1617 г. по условиям Столбовского мира Ингерманландия (шведское название Ижорской земли) перешла от России к Швеции, в состав которой входила в то время территория Финляндии. На опустевшие вследствие ухода православного населения земли шведские власти перевели крестьян из внутренних областей Финляндии, освобождая их от несения военной службы и уплаты податей. Параллельно шло спонтанное переселение жителей из раз-

¹ Бахмутская Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций.

² См., напр.: Гадло А.В., Вершова И.И., Егоров С.Б., Числяков А.Ю. Этнографическое изучение Северо-Запада России. СПб., 2004; Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М., 2003; Современное финно-угорское. Опыт и проблемы. Л., 1990; Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994; Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760-е – 1870-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003 (рукопись); Бахмутская Е.В. Фактор Петербурга в экономической, социальной и духовной жизни податных немецких колоний // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы международной научной конференции. М., 2004. С. 357–371; Шрадер Т.А. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920–1930-е гг. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: Материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 156–173; Najdic L. Deutsche Bauern bei St. Petersburg-Leningrad. Dialekte-Brauchtum-Folklore // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. Beihefte. Hf. 94. Stuttgart, 1997 и др.

³ Академик А. Шеррен высказал мнение, что их переселение могло начаться еще после заключения Ореховского договора 1323 г., когда западная часть Карельского полуострова отошла к Швеции. См.: Sjogren A.I. Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingemanland. СПб., 1833. S.4

und
deren
zwei
sche“
nicht
r den
würde
i dort
i des
; der
und
tisch,
Stadt
sind.
rsten
is ra-
i ver-
i die
ins –
leder
chte.
:hrit-
war.
itadt
ule“

burg

гоном на пути модернизации общества, ушли в прошлое (либо никогда не существовали) отношения личной зависимости. В России же сословный строй еще был в процессе становления, крепостное право — в стадии апогея, а по пути модернизации делались лишь первые шаги.

Состав немецких колонистов отражал социально-экономические реалии германских государств соответствующего периода: значительную часть его, наряду с земледельцами, составляли представители беднейших слоев городского населения. На первом этапе колонизации (1760-е гг.) когда отбор переселенцев был не столь жестким, доля городских жителей составила, по подсчетам И.Р. Плева, более 40%. Среди них, впрочем, оказались не только низкостатусные элементы городского социума, но и люди с высоким образовательным уровнем (учителя, врачи, аптекари, бывшие офицеры), предприниматели, обладатели редких и требовавших особой квалификации ремесленных специальностей и творческих профессий — ювелиры, художники, музыканты и др. (всего более 150 профессиональных групп). Эти показатели примерно соответствуют результатам исследования социального состава эмигрантов из юго-западной части Германии, проведенного В. Хилпелем, в котором, впрочем, подчеркивается, что в данном случае весьма затруднительно провести четкую границу между представителями различных социальных слоев, так как практически все сельские и значительная часть городских ремесленников располагали земельными участками и занимались сельскохозяйственным трудом. В то же время категория переселенцев, обозначенных в транспортных списках как крестьяне, в очень незначительной степени была представлена полными хозяевами; речь в данном случае скорее могла идти о пригодности к хозяйственной деятельности, на которую указывалось в соответствии с подражавшейся властями целью колонизации¹⁰. Не располагая подробными сведениями о социальном и профессиональном составе жителей первых петербургских колоний, можно предположить, что он отражал общую картину, так как претенденты на поселение под Санкт-Петербургом были произвольно отобраны из массы прибывших в Россию переселенцев. По свидетельству директора Царскосельской конторы А.П. Кашкина, относящемуся к 110 семьям, обосновавшимся в трех ближайших к столице колониях, «с самого начала поселения всех оных колонистов едва в числе их было 20 фамилий, которые производили хлебопашество в иностранных местах, прочие привычку к тому сделали уже в России»¹¹. Даже с учетом возможной тенденциозности данной информации, призванной объяснить

¹⁰ См.: Плева И.Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г. обещаний и реальность // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы российско-германской научной конференции. Анапа, 22–26 сентября 1994 г. М., 1995. С. 29.

¹¹ См.: Hippel W. Auswanderung aus Schwesedeutschland: Studien zur württembergischen Auswanderung und Auswanderungspolitik im 18. und 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1984. S. 50–51.

¹² РГАДА. Ф. 487. Оп. 2. Д. 902. Л. 2 об.

личных финских провинций Швеции⁴. В ходе Северной войны (1700–1721 гг.) территория Ингерманландии была возвращена России и стала заселяться крестьянами — переведенцами из других регионов страны, однако еще в 1730-е гг. финны составляли около 40% крестьянского населения края. В дальнейшем основной тенденцией в динамике численности финнов было снижение их доли в общем составе крестьянства губернии при росте абсолютных показателей: в середине XIX в. — около 70 000 человек, в 1897 г. — 107 006 человек (или 15,5% сельского населения губернии), в 1920 г. — 120 388 человек⁵.

Численность немецких крестьян, поселенных на территории Санкт-Петербургской губернии в ходе двух основных этапов иностранной колонизации (1760-е и 1810-е гг.)⁶, была значительно меньшей: на 1799 г. она составляла 1 047 человек, на 1827 г. — 2506 человек, на 1862 г. — 5 120 человек, на 1897 г. — 8 088 человек⁷. Доля колонистов в общем составе крестьянства губернии не превышала 1%, однако в ближайших к столице уездах, где основная их часть проживала компактно (к примеру, Санкт-Петербургском), она доходила до 5%. За дореволюционный период к 13 материнским колониям прибавилось около 30 дочерних.

Перейдя под власть российской короны, как финны, так и немецкие колонисты оказались в ситуации социального регресса, что было обусловлено, с одной стороны, изменением общего социального контекста, в котором предстояло развиваться этим этническим группам, с другой стороны — понижением собственного социального статуса значительной части их представителей. Германские государства и Швеция, в состав которой входили финские земли, опережали Россию по уровню социально-экономического развития. В XVIII в. там наметился переход от сложившегося в средние века сплошного строя к классовому, прошла Реформация, явившаяся мощным

⁴ По мнению ряда российских и финских ученых, основная масса финских крестьян переселилась самостоятельно. См., напр.: Шакольский И.П. Переселение финских крестьян в Ингерманландию в XVII в. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 86.

⁵ По данным переписи 1732 г. из 58 979 душ о.п., составлявших население трех из четырех уездов Санкт-Петербургской губернии, 37,6% приходилось на долю финнов, 24% — на долю ижор, и около 27% — на долю русских. См. Троицкий С.М. О некоторых источниках по истории землеведения в Ингерманландии в первой половине XVIII века // Историко-экономические проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 117–119.

⁶ См.: Выходков Л.В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (отрава полевая XVIII–XX вв.) // Петербург и губерния: Историко-атриграфические исследования / Состав. ред. Н.В. Юнчева. Л., 1989. С. 123.

⁷ См.: Бакутский Е.В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (вторая половина XVIII — начало XX в.) // Немцы в России. Петербургские немцы: Сборник научных статей / Отв. ред. Г.И. Смирнов. СПб., 1999. С. 233–245.

⁸ Подсчитано по: Российский государственный исторический архив (далее — РГАДА), ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 32; Д. 1194; О записках Комиссии по преобразованию общественного управления и по-земельного устройства иностранных колонистов в России. СПб., 1869. С. 37; Первая ассамблея переселившихся населения Российской империи 1897 г. Т. 37. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1903.

Для финских жителей Ингерманландии возвращение этой территории в состав Российской империи также сопровождалось изменением социального положения, притом что род занятий подавляющего большинства из них остался прежним. Главным аспектом этого изменения явился переход в крепостное состояние. В период шведского господства финские крестьяне являлись лично свободными арендаторами на землях шведских помещиков. После основания в 1703 г. Санкт-Петербурга Петр I, привлекая дворян к переселению в новую столицу, щедро жаловал им как порожние, так и заселенные земли в Ингерманландии, так что за период с 1710 г. по 1745 г. по именным указам было роздано в вотчину 2 992 двора с населением 10 996 душ м.п. (по другим сведениям, помещикам за 1710–1743 гг. перешло 4 159 дворов и 11 231 душа м.п.)¹⁷, большую часть которых составляли финны. Второй по численности (после помещичьих) категорией стали дворянские крестьяне (к примеру, только в ведомстве Царскосельского дворца оказались 33 «чужонские» деревни). Финны составили также основу особого разряда «комендантских» (находившихся в ведении коменданта Петропавловской крепости) крестьян, и лишь небольшая их часть принадлежала к категории государственных крестьян.

Второе важное изменение касалось смены формы землепользования, в значительной степени предопределявшей развитие социальных процессов в крестьянской среде. На территории Финляндии основной формой землепользования являлась участковая (так называемые торпы). Последствием присоединения к России явилось насаждение поземельной общины русского образца, характеризовавшейся систематическими передачами земли по количеству душ мужского пола и круговой порукой в несении повинностей, так что финские крестьяне оказались в условиях тройного закрепощения: государственного, частновладельческого и корпоративного.

Таким образом, в отношении рассматриваемых этнических групп государствам были намечены два разных вектора эволюции, предопределивших их судьбу на длительный период времени: в одном случае – курс на обособленность, дававшую переселенцам возможность пойти в своем социальном экономическом развитии несколько иным путем, нежели основная часть российского крестьянства¹⁸, в другом случае – установка на полное вовлечение новых подданных в систему существовавших на тот момент в стране административных, социальных и экономических структур и отношений.

Констатируя этот факт, следует вместе с тем отметить, что и в отношении немецких колонистов действовал целый ряд ограничений, сближавших их

¹⁷ См.: Троицкий С.М. О некоторых источниках по истории землеведения в Ингерманландии... С. 123.

¹⁸ В большей степени это замечание справедливо в отношении тех регионов компактного расселения колонистов (прежде всего, Юга и Северо-Запада России), где была сохранена подворно-наследственная форма землепользования, в меньшей степени – в отношении Поволжья, где в конце XVIII в. произошел переход к переделочной общине.

неуспех хозяйственного развития колоний в первые годы их существования, она дает определенное представление о составе петербургских колонистов первой волны¹².

В нарушении основополагающих статей распространявшегося в Европе с целью привлечения иммигрантов Манифеста Екатерины II от 22 июля 1763 г., обещавшего городским жителям возможность сохранить свой статус, «зависавшись в купечество и цехи»¹³, подавляющее большинство переселенцев, независимо от их профессиональной и социальной принадлежности, были принуждены к занятию сельскохозяйственным трудом. Вместе с тем, направляя экономическую активность колонистов в заранее определенное русло, российские власти стремились обеспечить им благоприятствовавшие выполнению поставленных задач условия, предоставив целый ряд льгот и привилегий. В Санкт-Петербургской губернии, в отличие от некоторых других регионов, где эти права в значительной степени нарушались, они действительно реализовались на практике: местное самоуправление, по крайней мере с начала XIX в., действовало достаточно эффективно и не подвергалось столь существенному, как, например, в Поволжье¹⁴, давлению со стороны администрации, уровень налогообложения был относительно низким вплоть до реформы 1871 г., подворно-наследственная форма землепользования – основа экономического благосостояния колонистов – сохранялась на всем протяжении дореволюционного периода. Наличие особого социально-правового и экономического статуса давало основание для выделения колонистов в отдельное «состояние» (сословие), что получило наиболее последовательное выражение при составлении «Свода учреждений и уставов о колониях иностранных странцев в империи», вошедшего в т. XII «Свода законов Российской империи»¹⁵. Исходя из принятого в современной научной литературе определения сословия, согласно которому одним из его главных признаков (наряду с наследственным статусом, наличием корпоративной организации, специфического менталитета, внешних черт сословной принадлежности и др.) является совокупность закрепленных в законодательстве прав и привилегий, можно заключить, что колонисты в большей степени соответствовали этому понятию, нежели не обладавшие данной характеристикой российские крестьяне¹⁶.

¹² На втором этапе колонизации (1804–1819 гг.), когда власти были изначально ориентированы на преимущественный прием крестьян, многие городские жители, желая воспользоваться обещанными льготами и гарантиями, скрывали слово социальную принадлежность и записывались в число колонистов как земледельцы.

¹³ Полное Собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. С. 1543 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1930. Т. 1–45. (Далее – ПСЗ-1) Т. 16. № 11880.

¹⁴ См., напр.: Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1987.

¹⁵ См.: Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. II. Стб. 1, 1857.

¹⁶ По отношению к российскому крестьянству в силу отсутствия у него указанного признака сословия предлагается употреблять термин «квазисословие». См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1. СПб., 2003. С. 76–81, 122–123.

положение с положением других категорий сельского населения страны. В частности, в дореформенный период для них, как и для оказавшихся в крепостной зависимости финских крестьян, было характерно отсутствие свободы передвижения, возможности для социальной мобильности, права выбора занятия. Объективные предпосылки для роста территориальной мобильности среди жителей немецких селений создавала подворно-наследственная система землепользования. «выталкивавшая» из колоний безземельных, численность которых непрерывно росла. Однако политика властей была направлена на самое жесткое ограничение перемещений, что мотивировалось устранением отходников от участия в выплатах предоставленной при поселении ссуды. Инструкция Царкоосельской конторы 1778 г. предписывала тем, кто живет с паспортом вне пределов колонии, изыскивать и представлять смотрителю для уплаты своей части долга¹⁹. Новые паспорта могли выдаваться лишь смотрителем, без позволения которого запрещалось отлучаться из колонии более чем на 8 суток²⁰. Инструкцией 1803 г. вводился принцип коллективной ответственности сельского общества за отлучившегося из селения даже на краткий срок «для промыслов и торгов»²¹. Промысловая деятельность разрешалась лишь в качестве дополнительного источника дохода и при условии, что «хлебопашество и скотоводство не потерпят вреда»²². Указом от 10 ноября 1821 г. было предписано со всеми иностранными поселенцами, самовольно отлучившимися из своего селения или просрочившими паспорта, «поступать на общем основании как с беспаспортными»²³. Порядок получения паспортов был существенно усложнен в начале 1830-х годов²⁴, а в 1846 г. к числу необходимых условий была добавлена уплата всех видов податей за год вперед, что получило отражение в ст. 425 «Устава о колониях»²⁵. Система запретов и ограничений действовала наиболее эффективно в течение первых десятилетий XIX в., когда органам управления колониями удалось взять под контроль процесс перемещений. На начало 1830-х годов количество выдаваемых паспортов (в пересчете на ревизскую душу) колебалось в пределах от 0,12 (в Ижорской колонии) до 0,03 (в трех ямбургских, а также Кронштадтской, Ораниенбаумской и Петергофской колониях); средний показатель составлял 0,07 паспортов на ревизскую душу²⁶. Размеры штрафов за просроченные паспорта в этот период составляли в среднем лишь 4,77 % от общей суммы взносов (от

¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1138. Л. 27.

²⁰ См.: Там же.

²¹ ПСЗ-I. Т. 27. № 20798.

²² Там же.

²³ Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. II. СПб., 1857. С. 81. Ст. 474.

²⁴ «Правила, на каком основании казенные колонисты, поселенные в С.-Петербургской губернии, могут быть увольняемы от обществ колоний, для заработка, промыслов и торговли...» (РГАДА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 147-149 об.).

²⁵ Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. II. СПб., 1857. С. 72. Ст. 425.

²⁶ Подсчитано по: РГАДА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1200. Л. 13 об.

6,94 % в Ново-Саратовской до отсутствия таковых в Стрелинской колонии), что свидетельствует о достаточно четком выполнении колонистами предписаний, регламентировавших перемещения²⁷.

Меры, имевшие целью прекращение оттока колонистов в города на заработки, одновременно направлены на предотвращение роста межколонийной мобильности, активизировавшейся среди населения петербургских колоний в 70-е–80-е годы XVIII в., когда, в силу рассредоточения функций управления между целым рядом различных органов, контроль над ними осуществлялся крайне неэффективно. Помимо перемещения взрослого мужского населения, в первые десятилетия существования колоний в город для обучения ремеслам отдавались дети из больших семейств, которые впоследствии увольнялись из числа колонистов и переходили «в другой род жизни»²⁸. Усилия по улучшению землеобеспечения колонистов, предпринятые в конце XVIII – начале XIX вв., замедлили данный процесс, однако, наряду с попытками устранения его социально-экономических предпосылок, большую роль в изменении ситуации сыграли ограничения правового и административного характера. Возможность перехода в другое сословие для колонистов была связана с возвращением лежавшего на хозяйстве долга российской казне²⁹. В дальнейшем этот принцип был распространен на все иностранные поселения страны и закреплен в «Уставе о колониях» (ст. 134)³⁰. В силу исключительно высокой стоимости строительства петербургских колоний долговые суммы были здесь настолько велики, что в дореформенный (как, впрочем, и в пореформенный) период это было возможно лишь для немногих. В ряде случаев зажиточные колонисты вкладывали средства в организацию расплачивавшегося в городе производства, не увольняясь при этом из своего «сословия»; как, например, житель Среднерогатского селения И. Пель, который являлся владельцем находившейся в Санкт-Петербурге ситценабивной фабрики и продолжал при этом числиться по ревизии в колонии, сохраняя за собой право на владение наделом и уплачивая за него подати³¹.

Указывая на данные обстоятельства, важно подчеркнуть, что принудительное поселение в сельской местности и насильственное «окрестьянивание» иммигрантов, ограничение территориальной и межсословной мобильности являлось отражением важнейшей закономерности в развитии любой диаспоры (а к российским немцам это понятие применимо в полной мере)³², согласно которой на начальном этапе ее существования переселенцы вынуж-

²⁷ См.: Там же.

²⁸ Там же. Д. 1138. Л. 92 об.

²⁹ См.: ПСЗ-I. Т. 25. № 19146.

³⁰ См.: Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. II. СПб., 1857. С. 24. Ст. 134, 135.

³¹ См.: Там же. Ф. 1589. Оп. 2. Д. 587.

³² Что касается ингерманландских финнов, то, например, по мнению исследователей из Финляндии, говорить о них как о диаспоре можно лишь применительно к послереволюционному периоду.

дены ограничивать свою деятельность теми сферами, где она наиболее выгодна властям страны-реципиента.

Что касается финского населения региона, то процессы мобильности в его среде в дореформенный период сдерживались прежде всего крепостным состоянием и, в значительной степени, незнанием русского языка. Современники указывали на привязанность к месту своего жительства как на характерную черту финского крестьянина. Так, например, автор военно-статистического обозрения Санкт-Петербургской губернии отмечал, что финн «всегда предпочитает домашние занятия посторонним промыслам и не отважится ходить в заработки; он для одного лишь базарного торгового оставяет курную свою избу и пускается в ближайший город, чтобы сбыть сельские свои продукты. Если же некоторые из чухон и отправляются для заработка в Петербург, Кронштадт или другие окрестные города, то обыкновенно берут на себя самые грубые и тяжелые работы (как, например, очистку сорных и других мест, чистку труб, копку льда и т.д.)»³². Действительно, существовал ряд занятий, практиковавшихся в столице именно финнами: к их числу принадлежала, например, основная часть петербургских трубочистов; традиционным элементом масленичных туляний в столице были легкие извозчики на «финских» санях, которых называли «вейками» (от финского «veikko» – парень, брат). Однако в целом процент отходников среди финнов оставался незначительным.

Таким образом, в дореформенный период как составлявшие привилегированное сословие немецкие колонисты, так и приравненные в правовом отношении к русскому крестьянству финны были наследственно прикреплены к своему социальному статусу, месту жительства, общине. Доля вовлеченных в процесс перемещений и неземледельческие занятия среди немецкого и финского крестьянства (в особенности, в первой половине XIX в.) была ниже, нежели среди русского крестьянства промыслового столичного региона.

Что же касается процессов внутрисословной мобильности, социальной и имущественной дифференциации внутри этнической группы, то здесь между финскими и немецкими крестьянами имелись существенные различия.

На протяжении жизни первого поколения немецких колонистов имело место относительное равенство их экономического положения, обусловленное как тяжестью адаптационного периода, так и тем обстоятельством, что стартовая помощь со стороны государства оказывалась всем переселенцам в приблизительно равном объеме. Впоследствии же предписанный законодательством порядок наследования семейных участков, строго соблюдавшийся в петербургских немецких селениях, привел к разделению каждого сельского общества на две социальные группы: домохозяев (владельцев земли и средств производства) и безземельных, переходивших в категорию наемных

³² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Санкт-Петербургская губерния / Сост. полковник Жуковский. СПб., 1851. С. 212.

сельскохозяйственных рабочих и лишенных не только имущественных, но и социальных прав в силу их отстранения от участия в деятельности органов сельского самоуправления. Так, в крупнейшей из петербургских колоний – Ново-Саратовской – на начало 1870-х годов число домохозяев составляло 120 человек, имевших приобретенную в собственности землю ане селения – 163 человека, а безземельных – 465 человек³⁴. Стимулируя процесс социальной дифференциации, принятая в колониях система наследования (прежде всего затрудняла вертикальные внутрисословные перемещения (прежде всего восходящую мобильность), способствовала оформлению тенденции к наследованию имущественного статуса: домохозяева имели возможность обеспечивать землей не только старшего сына (за счет передачи надела), но и остальных сыновей (за счет приобретения в собственности дополнительных участков); сыновья безземельных в большинстве случаев повторяли судьбу отцов. Как и в колониях Юга России, это служило причиной социального напряжения и подрывало единство этнической группы. В частности, острыми конфликтами на экономической почве сопровождались проведение в жизнь реформы 1871 г., в ходе которой безземельные окончательно утратили надежду на участие в отведенном государством при основании колоний наделе, а в дальнейшем – послереволюционные аграрные преобразования, лишившие домохозяев части их земель.

У финских крестьян в дореформенный период процесс имущественной дифференциации (и ее переход в социальную) затруднялся действовавшим в общине механизмом уравнительного перераспределения земли. Препятствием к этому служило и относительно слабое развитие в финской деревне промысловой деятельности, являвшейся в столичном регионе основным фактором формирования крестьянских капиталов (ситуация, сложившаяся в немецких колониях, где основной доход получался за счет товарного производства сельскохозяйственной продукции, не являлась характерной для губернии). В то же время здесь легче могли происходить перемещения крестьян между имущественными группами, которые, как и в русской деревне, в значительной степени были связаны с циклом развития семьи (в частности, с изменениями числа взрослых работников)³⁵.

Одним из следствий развития немецких и финских крестьян в рамках российского общества, сопровождавшегося искусственным сдерживанием ряда социальных процессов, интенсивно шедших в аналогичный период в аграрном секторе государств выхода, стало нарастающее несоответствие между социальной структурой материнских этносов и оторвавшихся от них в XVIII в. этнических групп.

Заданные правительственной политикой условия оказали значительное влияние на развитие не только социальных, но и этнокультурных процессов в

³⁴ См.: РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 61. Л. 27.

³⁵ Подробнее см.: Микронав Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 128–129.

среде немецкого и финского крестьянского населения региона, а также, в определенной степени, на характер межэтнических отношений.

Первый период сосуществования русских, финских и немецких крестьян региона ознаменовался многочисленными конфликтами. В случае с финнами в их основе лежала установка на необходимость заселения приграничных земель русским православным элементом и обеспечение последнему приоритетных условий за счет ущемления экономических прав «ненадежного», с точки зрения российских властей, финского населения, в соответствии с которой был санкционирован перенос множества располагавшихся на данной территории финских деревень и стог их жителей с обработанных участков на целину. Помимо этого, имели место многочисленные случаи самовольных захватов принадлежавших финнам земель русскими крестьянами-переведенцами. Пытаясь противодействовать этому, финские крестьяне не допускали переведенцев к их обработке, скарживали отошедшие в пользование последним русские чиновников, «не только бранились, но и дрались, а иным и головы проломали»³⁶. Часть выселенных финских крестьян, которой не удалось восстановить свои хозяйства на новых местах, была отпущена на заработки в столицу, положив начало городской финской диаспоре.

На начальном этапе жизни немецких колонистов под Санкт-Петербургом объектом их недовольства становились прежде всего российские чиновники, а основной причиной возмущений являлось нарушение оговоренных в контрактах условий поселения. Вместе с тем допущенные при поселении просчеты (в частности, выделение пахотных и сенокосных угодий на значительном расстоянии от селений, расположение колоний на больших проезжих трактах при невозможности обеспечения безопасности переселенцев и т.п.) приводили и к столкновениям с местным населением. Источники второй половины XVIII в. содержат жалобы колонистов на постоянное воровство сена, оставшегося ими в стогах на дальних покосах, частые «обиды» от проезжающих и т.д.³⁷. Таким образом, и в данном случае проблемы в определенной мере были спровоцированы непродуманными действиями властей и возникли не на этнической, а на экономической почве.

В дальнейшем характер взаимодействия немцев и финнов с русским населением определялся целой совокупностью объективных и субъективных факторов.

В сохранении немецкими и финскими крестьянами национальной самоидентификации в условиях инонационального и иноконфессионального окружения важнейшая роль принадлежала церкви и конфессиональной школе. Манифестом от 22 июля 1763 г. Екатерина II предоставляла всем прибывшим в Россию иностранцам право свободного отправления веры по уставам и об-

рядам их церквей»³⁸. Вопрос об обязательствах казны в отношении строителей церквей, содержания священников и учителей в немецких селениях был оговорен в контрактах петербургских колонистов. Эти обязательства были выполнены в отношении всех колоний (за исключением трех католических селений, располагавшихся в Ямбургском уезде), причем в ряде случаев государственные средства продолжали выделяться и на протяжении более длительного, нежели указанный в контракте, периода. Главные колонистские лютеранские приходы – церкви Св. Екатерины в Ново-Саратовской колонии и церкви Св. Петра и Павла в Стрелинской колонии – пользовались покровительством членов императорской семьи. В благоприятных условиях (в особенности, в первой половине XIX в.) развивалась и система школьного образования, что было связано с получением значительной материальной и организационной поддержки со стороны государства и в еще большей степени – с высоким уровнем благосостояния немецких селений, позволявшим общинам в достаточном объеме финансировать школу. Таким образом, в данном случае существовали объективные предпосылки для эффективной деятельности институтов, направленных на сохранение национально-религиозных традиций, которое в свою очередь являлось лишь одним из факторов социальной обособленности немецких колонистов.

Финские крестьяне не обладали особым правовым статусом; в их материальной культуре этноспецифические черты под влиянием сходных условий жизни и тесных контактов с русскими со временем уступили место общероссийскому элементу³⁹. В этих условиях сохранение самобытности в сфере духовной культуры приобрело особую роль. Религиозные права финской населения, оговоренные при заключении Ништадского мира со Швецией в 1721 г., соблюдались российскими властями; на территории губерний действовало более 30 финских лютеранских приходов, руководимых как местными, так и прибывшими из Финляндии священниками, так что церковь в данном случае также в полной мере могла выполнять свои функции. Что же касается школы, то ее роль в дореформенный период была в жизни финнов значительно скромнее, нежели в жизни немцев: сказывались экономическая слабость финской деревни, недостаток средств на содержание школ, отсутствие длительной традиции школьного образования в крестьянской среде на момент вхождения Ингерманландии в состав России. Вплоть до середины XIX в. обучение детей в финской деревне часто сводилось к двум-трем неделям занятий, непосредственно предшествовавшим конфирмации.

Принадлежность финнов к лютеранству и связанная с этим специфика народных традиций не являлась препятствием к формированию в местах их

³⁸ См.: ПСЗ-I. Т. 16. № 11880.

³⁹ Полупно отметим, что для немцев были характерны более существенные отличия в сфере материальной культуры, но только часть из них (в отношении пищи, убранства жилищ) определялась этнической спецификой, тогда как, например, в отношении жилых построек и орудий труда различия состояла в большей степени в качестве и стоимости последних.

³⁶ Индова Е.И. Дворянское хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 78.

³⁷ См.: РГАДА, ф. 487. Оп. 2. Д. 902. Л. 10, 15.

тесного соседства с русским населением локальной культуры и местных обычаев, объединявших жителей русских и финских деревень. Так, христианские праздники (Пасха, Рождество и т.д.) зачастую отмечались финнами дважды – по лютеранскому и, совместно с соседями, по православному календарю. При отправлении религиозных обрядов порой имело место соединение элементов, характерных для различных конфессий. Бывали и случаи формирования локальных обычаев на основе языческих верований, бытованию которых пытались противодействовать как лютеранские, так и православные священники⁴⁰.

Говоря о субъективной готовности немцев и финнов к принятию в свою среду представителей других этносов, можно упомянуть о разнице в подходе к заимствованию «питомническим промыслом», заключающемся в содержании крестьянскими семьями сирот из воспитательных заведений Петербурга. Финны брали на воспитание детей независимо от национальности и вероисповедания. Часть из них впоследствии оставалась жить в финских деревнях и, фиксируясь в поселениях как русские и формально оставаясь в православии, полностью ассимилировалась в финской среде. Они говорили по-фински, посещали лютеранскую церковь, где служба велась на понятном им языке, и фактически становились членами финских семей, наследуя имущество в случае отсутствия собственных детей. При этом финны отличали «питомцев» от собственно русских и называли их в быту «ольховые (т.е. ненастоящие) русские»⁴¹.

В отличие от финских крестьян, немецкие колонисты, также активно практиковавшие занятия питомническим промыслом уже с конца XVIII в., отдавали предпочтение детям одной с ними национальной и конфессиональной принадлежности. Так, во Фриденбургской колонии – мануфактурном селе, жители которого являлись ткачами, с 1821 г. в каждом из колонистских семейств жили и обучались ремеслу взятые из Петербургского воспитательного дома девочки-немки в возрасте от 12 лет. По достижении 18-летнего возраста бывшие ученицы могли остаться работать на прежних местах по контракту⁴². Нужно отметить, что характерная для немцев установка на этническую и профессиональную обособленность проявилась уже на этапе поселения и нашла свое выражение в заключенных между российскими властями и колонистами контрактах, в которых содержалось условие «не поселять между нами других наций кроме немецких людей и одинакового исповедания»⁴³. Немецкие селения в большинстве своем оставались этнически гомогенными вплоть до начала XX в.⁴⁴, и только в послереволюционный период

начинается активное проникновение в немецкую (так же, как и в финскую) среду русских, отличающихся гораздо большей, нежели две рассматриваемые этнические группы, мобильностью в сфере межэтнических контактов». ПерIOD буржуазных реформ 1860–1870-х годов стал переломным этапом в истории немецкого и финского крестьянства региона. При этом если для немецких колонистов, потерявших в результате реформы 1871 г. статус привилегированного сословия, определяющим направлением был курс на социальную, экономическую, культурную интеграцию в российское общество, то для ингерманландских финнов пореформенный период ознаменовался, напротив, обретением личной свободы, позитивным отходом от навязанных в свое время государством форм хозяйствования, интенсивным развитием национальной культуры, ростом самосознания.

Общим для немцев и финнов являлся активно шедший в пореформенный период процесс внутриэтнической консолидации. Обе группы переселенцев оказались на территории России задолго до окончания складывания немецкой и финской наций и, соответственно, не были едины в этническом отношении.

Две основные группы в составе финского населения составляли эврейсет (переселенцы из прихода Эурапя, занимавшего северо-западную часть Карельского перешейка) и савакот (уроженцы области Саво в восточной Финляндии). Русские жители края называли представителей обеих этих групп чухонцами или маймистами («человек земли», «туземец»), не придавая значения имевшимся между ними различиям в сфере материальной (национальная одежда) и духовной (диалекты) культуры. В пореформенный период происходит постепенное вытеснение культуры эврейсет стоявшей на более высоком уровне культурой савакот, диалект которых, более близкий к собственно финскому, становится основой для общего языка. Уже к началу XX в. этноними савакот и эврейсет заменяются общим самоназванием «ингерманландские финны», подчеркивавшим обособленность этой группы от жителей Финляндии, обозначавшихся термином «суоми».

Что касается немецких колонистов, то среди них были уроженцы самых разных германских государств: Гессен-Дармштадта, Вюртемберга, Бранденбурга, Пфальца, Пруссии, Баден-Дурлаха, герцогства Берг. Основным фактором различий между отдельными региональными группами являлся диалект. Несмотря на многочисленные перемещения между колониями и то обстоятельство, что со временем практически все население петербургских немецких селений оказалось в родстве друг с другом по причине крайней узости брачного рынка (межнациональные браки стали заключаться лишь в послереволюционный период), вплоть до 1930-х гг. в пригородных колониях еще сохранялись фонетические различия между верхне- и среднемецкими

⁴⁰ См.: Куропятник А.И. Этносциальные процессы в регионе (на примере Ленинградской области в 1920-е гг.). Автореф. канд. дис. СПб., 1992.

⁴⁰ См.: Гадюш А.В., Верниев И.И., Егоров С.Б., Чистяков А.Ю. Этнографическое изучение Северозапада России. С. 73–74.

⁴¹ Там же. С. 22–24.

⁴² См.: РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 1186. Л. 82.

⁴³ Там же. Д. 1138. Л. 13 об.

⁴⁴ Исключение составляли некоторые дочерние колонии, сформировавшиеся путем поземельного приобретения земли в границах русских и финских деревень.

говорами, однако в грамматическом плане активно шло смешение и выравнивание между ними⁴⁶.

Общим для финских и немецких крестьян был и рост в пореформенный период масштабов неземледельческого отхода, увеличение диапазона промысловых занятий. Вместе с тем расширение границ Санкт-Петербурга, с одной стороны, и строительство большого числа дочерних поселений на самом близком от него расстоянии – с другой стороны, сделали для колонистов возможной работу в городском секторе экономики без смены места жительства. По мере строительства железных дорог такую возможность получала и все более значительная часть финских крестьян. В силу указанных обстоятельств в обеих этнических группах был более выражен такой аспект процесса урбанизации, как проникновение в среду сельского населения характерных для города норм, образцов поведения, элементов материальной и духовной культуры, нежели рост доли городских жителей в социальной структуре группы. К концу XIX в. как немцами, так и финнами в целом уже отдавалось предпочтение приобретаемым в городе предметам массового производства и не имевшей этнических черт одежде жителей пригорода.

Если в предшествующие десятилетия немцы опережали финнов по уровню социального развития, то в пореформенный период ситуация изменилась: процесс восполнения социально-профессиональной структуры этнической группы, возможности для которого открылись со снятием существовавших ранее ограничений, более интенсивно шел в финской среде, так что к исходу XIX в. сформировалась прослойка ингерманландской интеллигенции, представленная журналистами, писателями, поэтами и музыкантами, но прежде всего – школьными учителями, подготовка которых осуществлялась в откратой в 1863 г. учительской семинарии в с. Колпаны. Деятельность первого поколения национальной интеллигенции придала мощный импульс процессу формирования национального самосознания ингерманландских финнов, ярким проявлением которого явилось выдвижение в начале XX в. требования национально-культурной автономии. Значительное влияние на этнокультурное развитие ингерманландского крестьянства оказывала и городская финская диаспора (в Санкт-Петербурге во второй половине XIX в. проживало более 15 тыс. «финляндских уроженцев»), осуществлявшая активную просветительскую работу и являвшаяся своего рода связующим звеном между населением Финляндии и Ингерманландии.

Что касается немецких колонистов (с 1871 г. – поселан-собственников), то доля представителей городских сословий, вышедших из их среды, в процентном отношении была невелика. Прежде всего, это замечание справедливо в отношении верхнего слоя горожан – буржуазии и интеллигенции. В связи с этим функции интеллигенции долгое время брали на себя пасторы, совме-

щавшие роли религиозных и интеллектуальных лидеров. В отличие от финской городской диаспоры, петербургские немцы, численность которых достигала 50 тыс. человек, не проявляли большой заинтересованности в контактах с сельским немецким населением (эти контакты интенсифицировались уже в советское время); из множества существовавших в Санкт-Петербурге немецких обществ на колонию распространял свою деятельность лишь один лютеранский молодежный союз, филиал которого был организован пастором Ново-Саратовского прихода.

Отметим, что к исходу дореволюционного периода в значительной степени сгладились и различия в уровне экономического развития между немецкими и финскими селениями. Во второй половине XIX в. большая часть финских крестьян, оставаясь в общине, прекратила передель земли, а в период столыпинской реформы доля выразивших желание выделиться на хутора (т.е. фактически вернуться к существовавшей на момент присоединения к России форме землепользования) в финской деревне была значительно выше среднегубернских показателей.

Таким образом, как немцам, так и финнам, вынужденно сделавшим в XVIII в. шаг назад в своем социальном развитии, пришлось вновь, уже в составе российского общества, пройти по пути социальной и экономической модернизации. Особенности и темпы этого процесса на протяжении большей части описываемого периода в значительной степени предопределялись внешними факторами – рамочными условиями, созданными для каждой из этнических групп российским законодательством, и лишь в пореформенный период возросло значение факторов внутреннего порядка.

Развитию сформировавшихся к началу XX в. позитивных тенденций помешали Первая мировая война и революционные события. В дальнейшем общей судьбой немецкого и финского сельского населения края стали насильственная коллективизация, массовые репрессии, депортации, жизнь в условиях оккупации и спецпоселения. В послевоенный период части финских крестьян удалось вернуться в свои деревни, тогда как немецкие селения навсегда исчезли с карты региона.

⁴⁶ См.: Доваленев А.И. А. Штром и исследование диалектов немецких поселенцев на Неве // Немцы в России: Люди и судьбы: Сб. статей / Отв. ред. Л.В. Славгородская. СПб., 1998. С. 112